

свою серьезность получает высказывание обоих братьев Карамазовых, обвиненных человеческим и божьим судом в отцеубийстве, что виновником, единственным виновником убийства Федора Павловича Карамазова является, по замыслу автора, не кто иной, как черт³¹.

Если прежде здравомыслящий читатель недоумевал и усмехался про себя, говоря: — «Черт? что за черт, черт возьми!» — то, ежели он и сейчас еще будет продолжать недоумевать, все же усмехаться он будет вряд ли. Теперь читатель уже со всей серьезностью спросит: — Кто же этот черт?

И впрямь, что за загадку загадал автор романа и лице черта-убийцы?

III

СЛОВЕЧКИ «СЕКРЕТ» и «ТАЙНА»

Среди слов и словечек особого значения есть у Достоевского в романе одно слово-спецификум непрерывно дразнящее читателя своим своемыслием и двусмыслием, въедающееся в сознание как-то особенно ядовито и иронически, так сказать, до крови, как тончайший волосок иного растения, и при этом светящееся, как гнилушка во тьме, — слово секрет. И хотя рядом с ним стоят и его синонимы — «загадка» и «тайна», но смысл у слова «загадка» нейтральный, а у слова «тайна» — обычно противоположный смыслу слова «секрет», т. е. положительный, глубокий, утверждающий смысл, в то время как в слове «секрет» как будто таится нечто негативное, предостерегающее, нечто подмигивающее, интригующее и злокозненное. Выны

³¹ Мы различаем авторский план романа, т. е. смысловой, и читательский, т. е. фабульный. По авторскому плану романа убийца старика Карамазова — черт, а не Смердяков.

ряет слово «секрет» во всевозможных ситуациях, пользуются им и герои романа, и сам автор-рассказчик, но чаще всех пользуется словом «секрет» Митя. Читатель пройдет через много десятков и даже сотен мучительных страниц романа, пока доберется до последнего, как бы все секреты завершающего секрета — «секрета черта», который и для самого черта засекречен. Здесь-то и раскрывается читателю весь спецификум смысла этого слова «секрет».

Митя в соседском саду, примыкающем к саду Федора Павловича, «на секрете» сидит и «стережет секрет»:

« — Я здесь на секрете и стерегу секрет. Объяснение впредь, но понимая, что секрет, я вдруг и говорить стал секретно»¹, — сообщает взволнованно Митя.

Стережет он Грушеньку, чтобы перехватить ее, если она к его отцу, к старику Карамазову, польстившись на пакет с тремя тысячами, пойдет. То обстоятельство, что Митя здесь сидит — это секрет: об этом хозяева сада и квартиры не знают. Говорит Митя об этом Алеше тоже секретно, шепотом. И существование рокового пакета с тремя тысячами — тоже секрет, даже «величайший секрет», известный, кроме Грушеньки, только одному Смердякову и ему — Мите.

Вспомним, что и Агафье Ивановне, племяннице подполковника, растратившего казенных четыре с половиной тысячи рублей, предложил когда-то Митя прислать ему, Мите, «секретно» институтку, дочь подполковника, гордую Катерину Ивановну, за сумму, равную растрате, причем секрет прихода Кати Митя обещает сохранить «в святости и нерушимо».

В ответ он получает от Агафьи Ивановны «подлеца»².

В ужасном секрете передает Катерина Ивановна Мите три тысячи рублей, якобы, во-первых, для того, чтобы Митя послал их по почте той же Агафье Ивановне в Москву; во-вторых, для того, чтобы испытать благородство Мити; в-третьих, для того, чтобы

¹ 9, 133, 154, 155.

² 9, 143.

снабдить Митю, своего жениха, деньгами чуть ли не для бегства Мити с ее соперницей Грушенькой, с целью помочь Мите. То есть, Катерина Ивановна передает Мите три тысячи рублей, которые Митя «подло» растратил в два приема на Грушеньку в Мокром, которые он как-то и украл, и не украл. Словом, секретная передача была весьма двусмысленной, как это и выяснилось на суде при двух, одно другое опровергающих показаниях Катерины Ивановны.

Секретом — кстати, одновременно и тайной — оказалась и половина этой суммы, первоначально зашитая Митей в ладанку, о чем Митя так никому и не сообщил. Это «секрет», потому что Митя с расчетом отделил, чтобы на Катерины деньги бежать с Грушенькой и потому что в присвоении этой половины — весь позор Мити. Но это и «тайна», потому что Митя сознает свой позор, потому что он зашил эти деньги, чтобы вернуть их Катерине Ивановне. Если бы он их вернул, он бы, по мнению самого Мити, вышел «подлецом, но не вором»³, а теперь он вор. Секрет победил тайну.

Бесенок Лиза Хохлакова пишет любовное письмо Алеше «от всех секретно» и от мамы, зная, как это нехорошо⁴. Теперь ее «секрет» у Алеши в руках. Но и у самого Алеши есть особенная, какая-то грусть секретная: потому что старец Зосима пропал, и у Алеши сомнение, что, быть может, он, Алеша, в бога не верует. Из-за этой секретной грусти он, послушник, готов погодя даже «колбасу есть и водку пить, и к Грушеньке идти».

Предательски, «в секрете большом», сообщил Смердяков Мите про знаки — про стук в окно старику Карамазову. Читатель знает: с этим секретом, со знаками, был связан у Смердякова весь замысел убийства Федора Павловича.

Кстати, и у таинственного посетителя, о котором рассказывает старец Зосима, был свой секрет⁵. Секрет этот оказался также убийством, именно убийст-

³ 9, 610.

⁴ 9, 202.

⁵ Этот «таинственный посетитель-убийца», как нам кажется, был сам Зосима (до своего старчества). Его рассказ — исповедь Зосимы.

вом вдовы-помещицы, совершенным этим посетителем в припадке ревности и злобы.

Водкой с каким-то секретным крепчайшим настоем вытерся под ночь убийства больной Григорий, давший губительное для Мити, но ложное показание об отворенной двери из дома в сад, причем остаток лекарства Григорий выпил с «некоторою молитвой» и залег спать. Но дверь в сад отворенной тогда вовсе и не стояла: секретный настой подвел свидетеля⁶. Григорий дал ложное показание, сам того не зная.

Еще далеко не все секреты романа исчерпаны. Но если подытожить уже сейчас, то окажется, что слово «секрет» связано с убийством, подлостью, воровством, предательством, лжесвидетельством, интригой, ревностью и сумбуром в мыслях и чувствах: в основном же «секрет» вертится вокруг убийства старика Карамазова — вокруг этого «чертова дела».

А если по отношению к одному и тому же факту говорится и «секрет» и «тайна», значит, есть в этом факте обычно некое двусмыслие: и нечто положительное, и нечто отрицательное.

Но чтобы добраться до «секрета черта», надо вчитаться еще в две главы романа, где секрет, как черепаха из-под панциря, чуть высовывает свою голову.

Это прежде всего некий секрет — он же и тайна — Мити, но не только его личный секрет, а еще и «секрет совокупный», — секрет троих, секрет Мити, Ивана и Катерины Ивановны, секрет, о котором «он» (кто это «он» — узнаем ниже) не велел говорить Алеше, секрет, который скрывают и от Грушеньки, который смущает, томит и с толку сбивает Митю и который Митя со страхом душевным открывает Алеше, как херувиму, как, быть может, высшему человеку. Этот секрет — дело высшей совести, поэтому он еще и тайна — столь важная, что Митя сам с ней справиться не может. Секрет этот не что иное, как предложенный Иваном Мите проект бежать с Грушей после приговора и при этом — бежать в Америку.

Почему же это секрет? Почему же надо его скрывать от Алеши? Потому что такое бегство Мити есть бегство от страдания, от распятия, потому что такое

⁶ 9, 490.

бегство есть отказ от указания свыше, от голоса совести, от очищения, от подземного гимна каторжника изгнанному с земли богу: короче говоря, бежать — это значить в бессмертие и бога не верить.

И куда бежать? — В Америку, другими словами — в мошенничество.

Ведь Америка, как ее определяет сам же Митя, — страна мошенников и «необъятных машинистов»!

Конечно, Алеше-херувиму нельзя было открыть этот предательский замысел, ибо Алеша за «гимн», за страдания, за очищение, за бессмертие и бога, ибо Алеша — совесть, которая может помешать замыслу спастись бегством.

Кто же выдумал такой проект и кто не велел говорить Алеше?

« — Он, он выдумал, он настаивает! Он ко мне все не ходил и вдруг пришел неделю назад и прямо с этого начал»⁷, — сообщает Алеше Митя.

На этот раз «он» — как будто уже не тот «он», который приходил к Ивану, — не черт, а сам Иван. В этом читатель вместе с Митей не сомневается, зато почему-то несколько сомневается в этом автор и, очевидно, также и Алеша. Автор сомневается: поэтому самый стиль рассказа Мити Алеше, как «он (Иван) вдруг пришел», удивительно напоминает рассказ Ивана Алеше под фонарем, как «он» (черт) к нему, Ивану, приходил. Алеша сомневается. Поэтому Алеша и переспрашивает тогда Митю:

« — Скажи мне одно, (...) Иван очень настаивает [на бегстве] и кто это выдумал первый?»⁸

Да, читатель, кто же это первый выдумал? Кто внушил Ивану мысль о бегстве Мити в Америку? Кто он — автор этого секрета?

Разговор Ивана с Алешей под фонарем происходит в главе романа, следующей за главой, где приведен интересующий нас разговор Мити с Алешей «об Америке», стране мошенников и «необъятных машинистов».

Напомним вторично отрывок из разговора под фонарем.

⁷ 10, 111.

⁸ Там же.

« — Ты был у меня ночью, когда он приходил... Признавайся... Ты его видел, видел? (...) Разве ты знаешь, что он ко мне ходит? » — выпытывает Иван у Алеши.

« — Кто он? Про кого ты говоришь? » — недоумевают Алеша, точно так же, как недоумевает он в разговоре с Митей: « Кто же это выдумал первый? ».

Несколько позже, в главе « Это он говорил », Алеша опять спрашивает Ивана: « — Кто он? » — « Он », который сообщил Ивану еще до прихода Алеши, что Смердяков повесился. Оказалось, что « он » улизнул, что « он » Алеши испугался, что « он » тут сидел на диване, что « он » ужасно глуп, что « он » — черт. И черта, этого « его », прогнал « херувим » Алеша одним своим появлением.

Оказалось, что этот « он », т. е. черт, отклонял, вдобавок, Ивана от его решения совершить подвиг добродетели, очиститься, объявить завтра на суде, что он, Иван, убил отца, т. е. что Смердяков по наущению Ивана убил отца⁹.

« — Это он говорит, он, а он это знает », — жалуется в отчаянии, потерявший все концы и начала, Иван Алеше. И хотя Алеша опять повторяет Ивану: « Не ты убил », Ивана это не убеждает.

Что же произошло, читатель? А вот что! Иван, который так гордо до конца отказывался от « осанны », вдруг, как и Митя, тоже решил « гимн » запеть вместе с херувимами, пострадать, очиститься покаянием, и вот черт смеется над этим, т. е. как бы предлагает Ивану вместо гимна остаться при пакостях или, говоря иносказательно, бежать морально в ту же самую Америку, в которую Иван предлагал бежать Мите. Вот он — тот первый, кто выдумал проект бегства в Америку: черт выдумал. Потому-то и не поверил Алеша, что бегство в Америку выдумал Иван.

В обоих случаях секрет один. Значит, опять черт вмешался в дело: черт подсказал Ивану, а Иван уже передал Мите. И если здесь произошел поединок — то произошел он между чертом и Алешей-херувимом, причем Алеша-херувим, как известно, вышел победителем.

⁹ 10, 184.

Даже по словесному оформлению обе исповеди братьев, Мити и Ивана, Алеше, с этим повторением «он», весьма сходны:

« — Он, он выдумал, он настаивает!»¹⁰ — говорит Митя Алеше про Ивана.

« — Это он говорит, он, а он это знает», — говорит Иван Алеше про черта.

Совокупный секрет троих — Мити, Ивана и Катерины Ивановны, вернее, секрет двоих — Мити и Ивана, секрет бегства в Америку, т. е. решение об отказе от страдания, от очищения, от гимна, от бессмертия, от бога, — оказался выдумкой черта, «секретом черта». Очевидно, сама Америка, страна мошенников, по убеждению Мити, крепко связана с чертом.

Ключ к Америке, почему именно она оказалась секретом, дает нам уже упомянутая глава «Гимн и секрет» (гимн — контроверза секрету!), где идет разговор Мити с Алешей «о самом главном».

Вопрос об Америке может быть решен Митей только после суда: так говорит Мите голос высшей совести, т. е. Алеша, так говорит себе и сам Митя. Только после суда узнает Митя, кто он: новый человек, возрожденный, который отвергнет Америку, обретет бога и запоет ему и его радости из-под земли гимн подземного человека, или он, Митя, тот, кто убежит в Америку, т. е. «Бернар презренный».

«Бернар презренный» и бежит по-бернаровски.

«О каком же это новом человеке идет речь? Что за Бернар?» — спросит читатель.

В романе — два новых человека: один — антипод другому и между ними вечный поединок не на жизнь, а на смерть.

Прежде всего новый человек — это тот, о котором говорят и Иван, и черт, и семинарист Ракитин, и Митя, — это — человеко-бог, которому «все позволено», гордый человек, узнавший, что он смертен до конца, отказавшийся от «осанны» и «гимна», это — человек-с-идеями, это — человек с «хвостиками» в мозгу, с нейронами вместо души, который выдумал протоплазму и химию, — это и есть «Бернар презренный».

¹⁰ 10, 111.

Другой новый человек — это тот, о котором говорит Зосима (т. е. Алеша) и опять-таки Митя: это воскресший человек, который исполнен восторга и приходит к тихой умиленной радости, который за вся и всех виноват, который заключен внутри Мити и хочет пострадать «за дите»¹¹, за ни в чем не повинного маленького мученика. Этот новый человек, очевидно, также заключен и внутри Ивана, потому что Иван из-за неповинно страдающего ребенка «мира этого не принимает» и от будущей гармонии отказывается. Но этот другой новый человек заключен и в покаявшемся убийце (Зосиме), и в трагическом библейском страдальце Иове, который не убежит в Америку, как «Бернар презренный».

«Бернаром презренным» оказывается, черт его подери, и семинарист Ракитин, который знает, «что это за такая наука — эфика». Он собирается ехать в Петербург, чтобы поступить в отделение критики (критика — область черта!), но с благородным направлением.

Бернаром оказывается не кто иной, как известный ученый Клод Бернар, как химия, как подлец какой-то, как вообще наука, — и взято имя «Бернар» нарицательно, вместо слова «ученый». Но и Ракитин, у которого идеи в голове, те самые идеи, которые сидели в голове Мити и вдруг пропали, и этот семинарист Ракитин — тоже ученый, тоже Бернар, по слову Мити.

« — Ух, Бернары! Много их расплодилось!»¹² — возмущается Митя, видя в науке врага рода человеческого.

Чему же учат Бернары? Бернары учат о вышеупомянутых «хвостиках» в мозгу: у нервов есть «такие этакие хвостики» и «как только эти хвостики задрожат, то и явится образ, то есть предмет али происшествие»¹³ (происшествие — тоже область черта!); вот

¹¹ 10, 105. Тема «дите» связана почти со всеми главными героями романа: «дите», приснившееся Мите; сам Митя, покинутый в детстве; неповинно замученные дети в исповеди Ивана; мальчик с отрезанными пальчиками — Лизы Хохлаковой; Илюша-страдалец и др.

¹² 10, 101.

¹³ 10, 102.

почему человек созерцает, а потом мыслит: «потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я там какой-то образ и подобие, все это глупости!» Так объяснил Мите Ракитин. Таков манифест первого нового человека, человека с «хвостиками», который гордо выступает с этой великолепной штукой — «наукой», химией, протоплазмой без бога и будущей жизни, которому все позволено, потому что умному человеку все можно.

Так вот кто такой Бернар презренный, предпочитающий Америку, страну мошенников, гимну из-под земли! Этот Бернар — «наука», которая идет против бога и бессмертия, и голоса совести: она и есть Америка. В этом и весь секрет Америки. Но ведь проект о бегстве в Америку был проектом, т. е. секретом Ивана, или, вернее, секретом того, кому имя «он», т. е. черт. Америка — секрет черта. Так вот почему Иван, или вернее, «он», не хотел, чтобы этот секрет «об Америке» стал известен Алеше-херувиму. Алеша — высшая совесть. Америка — это бегство от совести, и вот Алеша мог бы помешать бегству от совести, как он, Алеша, помешал, испугал «его», гостя (т. е. черта), который повадился ходить к Ивану, совсем так, как Иван вдруг повадился ходить к Мите с предложением бегства в Америку: херувим помешал черту — совесть помешала «науке».

Читатель терпеливо выжидал, пока раскроется секрет черта и теперь вправе потребовать разъяснений символа: кто же этот черт — виновник убийства Федора Павловича Карамазова — по замыслу автора? Разъяснение символа дает сам автор, и если мы так долго томили читателя загадкой, то только потому, что разъяснение автора без раскрытия секрета оставило бы читателя в прежнем недоумении. Теперь только мы смело вступаем в кошмар Ивана Федоровича, чтобы узнать, что черт — не потусторонний гость, что разговор Ивана Федоровича с чертом есть разговор двойников — двух Иванов Федоровичей, или двух сторон Ивана Федоровича, друг с другом. Иван Федорович рад бы поверить в реальность своей фантазии, в реальность призрака, порожденного болезнью (отметим слово «призрак!»), будто перед ним действительно черт, а не галлюцинация и не сон, но он,

Иван, ни одной минуты в это не верит, на сотую долю в него не верит и не принимает за реальную правду¹⁴.

« — Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых», — говорит Иван ночному гостю.

И неоднократно повторяет:

« — Браня тебя, себя браню! (...) Ты — я, сам я, только с другой рожей¹⁵. Ты именно говоришь то, что я уже мыслю... и ничего не в силах сказать мне нового»¹⁶.

« — Только все скверные мои мысли берешь, а главное — глупые».

« — Нет, ты не сам по себе, ты — я, ты есть я и более ничего! Ты дрянь, ты моя фантазия!».

« — Все, что ни есть глупого в природе моей, давно уже пережитого, перемолотого в уме моем, отброшенного, как падаль, — ты мне же подносишь, как какую-то новость!»¹⁷

И то же самое повторяет Иван Алеше:

« — Он — это я, Алеша, я сам. Все мое низкое, все мое подлое и презренное! (...) Он все дразнил меня, что я в него верю, и тем заставил меня его слушать. (...) Он мне, впрочем, сказал про меня много правды. Я бы никогда этого не сказал себе. Знаешь, Алеша, (...) я бы очень желал, чтоб он в самом деле был он, а не я!»¹⁸.

И дальше:

« — Но он клеветал на меня, он во многом клеветал. Лгал мне же на меня же в глаза».

Оставим в стороне, интересный для психиатров вопрос о том, страдал ли Иван Федорович раздвоением личности: это только необходимый флер реализма для читателей.

Вопрос о раздвоении здесь не психопатологический, а философский. Здесь не только проблема двух

¹⁴ 10, 162—163.

¹⁵ А на суде Иван завопил: «р-рожи!» (Не отсюда ли «рожи» Леонида Андреева в его трагедии «Савва»?).

¹⁶ 10, 164.

¹⁷ 10, 164, 170, 178.

¹⁸ 10, 183—184.

антагонистических миросозерцаний, но и проблема дуализма, контроверзы¹⁹ — (кстати, в романе есть даже глава с таким заголовком — «Контроверза») и диалектики по существу, ибо сам Иван Федорович Карамазов — как ни прозвучит это парадоксально для читателей — не только герой романа «Братья Карамазовы», но он еще и мыслитель — диалектический герой кантовых антиномий.

К ним-то, к этим кантовым антиномиям, к этим философским горгонам, живущим в очень далеком секретном убежище, в «Критике чистого разума» Канта, куда укрылся черт-убийца, единственный виновник убийства старика Карамазова, — к ним-то мы и подбieraемся все время.

В них-то и секрет двух правд черта, секрет, который не хотят черту открыть, ибо антиномии для него, по существу, неразрешимы. Короче говоря, в них-то и весь «секрет черта» и не только черта, но и секрет романа, и секрет самого автора романа — Достоевского.

И если гегелианская диалектика прорезает прослойками в романе мир кантовых антиномий, то решение философской проблемы автор романа все же хотел бы (да, хотел бы!) найти не в ней, а в утверждающем тезисе антиномий — в Зосиме, в Алеше, противопоставляя этому тезису образ великого инквизитора как антитезис с его отрицанием, и черта, как карикатуру на великого инквизитора и на самый антитезис.

Что же высказывает эта вторая сторона Ивана Федоровича устами символического черта — истинного убийцы старика Карамазова, — как это соответствует скрытому убеждению автора, вопреки, быть может первоначальному убеждению читателя? (Ибо, согласно роману, фактически убил старика Карамазов Смердяков.) Не подводит ли она, эта вторая сторона Ивана Федоровича, теоретическую, философскую базу под данное убийство, да еще с корыстной целью обосновывая свое особое право на убийство вообще? И против чего ведет полемику эта вторая сторона, сим

¹⁹ Термин «контроверза» (противоречие) взят Достоевским из «Критики чистого разума» Канта.

волизируемая чертом, — против какой философии? То есть читателю предстоит проверить: действительно ли черт выражает окарикатуренный антитезис антиномий Канта и все то, что, по мнению автора романа, конструируется на основе этого антитезиса?

IV

НЕНАЗВАННЫЕ В РОМАНЕ ГЕРОИ — ТЕЗИС и АНТИТЕЗИС

Откуда и куда бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому — Кант. И хотя этот философский мост, одно из семи чудес умозрительного конструктивизма, надежно огражден высокими насыпями человеческого опыта, леденящий ветер безнадежности пронизывает на нем мозг путника, и напрасно будет он искать в окружающем полумраке солнце жизни. И как бы осторожно и медленно, с частыми передышками, ни ступал этот окоченевший мыслитель, он, еще не дойдя до середины пути, ощутит, что шаг его становится неверен, что мост под ним колеблется и качается, что он идет по подозрительно скептической дороге...

И вдруг его, мыслителя, *начинает, как балаганного пьяного Петрушку, бросать из стороны в сторону: он то стремительно падает вниз, то взлетает вверх, как будто мост уже не мост, а какая-то хитрая система танцующих коромысел, перебрасывающих его с конца в конец, с одного коромысла на другое. Вдобавок между этими сцепленными коромыслами он заметит зияющую бездну, до дна которой никогда не проникнет его пытливый взор мыслителя. И если потребность в устойчивости, этот основной стимул культуры, побудит его, при его упорстве догматика, искать твердой опоры — «да» или «нет», именно здесь, среди этих танцующих четырех коромысел (их окажется всего